

Гласность по-иркутски ¹

Исторический город и экология культуры

В массовом сознании исторические города ассоциируются, как правило, с высокой градостроительной культурой, а то, что было создано в XX веке, воспринимается как своего рода «антикультура», не соизмеримая с архитектурным прошлым. Вокруг такого противопоставления ценностей традиционной и современной культуры разыгрываются жесткие баталлии. Не избежал этого и Иркутск, получивший статус исторического города.

Объектом споров и столкновений мнений с середины 80-х годов становится новая архитектура города. В этот период волею случая, а может быть, традиционно для Иркутска, издавна отличавшегося интеллигентностью, духом свободолюбия и новаций, в нем собрались крупные творческие личности, по-разному осознающие историю города и перспективы его развития. В их числе писатель Валентин Распутин и архитектор Владимир Павлов.

Вникая в сущность обвинений, обрушившихся на современную архитектуру города в местной печати, я смогла выделить несколько позиций, по которым старое и новое антагонистически противопоставлялось друг другу. Одна из них — неприятие нового языка архитектуры, как такового, противопоставление его традиционным пластическим средствам, о чем говорит сам подбор эпитетов, адресуемых современным зданиям.

«...Ступенчатое нагромождение кубиков строящегося вычислительного центра... бесконечный бетонно-стеклянный кирпич проектного института... параллелепипеды «Союзпечати»... серый бетонный кирпич Дома быта, уныло глядящий на мир «окнами-гробиками»... многоэтажные ступенчатые кубики и остекленные бетонные кубы» — так характеризуется современная архитектура города писателем А. Шастиним¹. В. Распутин в очерке «Кяхта» пишет: «...Иркутск в ранге исторического города, в облечении охраняемых прав и законов не уберет свой старинный центр, перечеркнув его **чужеродной геометрией самозванного модернизма** (здесь и далее выделено мной.— А. К.).»

В противовес «чужеродной геометрии» архитектуры 70—80-х годов неизменно положительно оценивается застройка улиц Ленина и Маркса, осуществленная в 50-е годы, так как «сама архитектура тех лет развивалась в историческом контексте, была «сработана» в традиционном пластическом стиле» — так пишет журналист Г. Сапронов².

Отрицая язык современной архитектуры как находящийся в заведомом противоречии с генетическим кодом исторической среды, и самой современной архитектуре отказывают в праве на существование в историческом центре города. При этом часто высказывается мнение, что современная архитектура вообще не может быть отнесена к явлениям куль-

туры, а может лишь рассматриваться как своего рода «ухищрения новаторско-низвергательских поисков»³. «Из-за отсутствия знаний и профессиональной культуры, отрицания опыта прошлого, самокритичной оценки ошибок постепенно рождается стереотип победной поступи»⁴. Современные здания «...ставят в среду, которая их не приемлет и всеми силами сопротивляется им»⁵.

О творчестве В. Павлова высказывается искусствовед В. Щербин: «Его тезис в открытую диктовал установку на прием реконструкции исторического центра Иркутска через неуважение к прошлому. Это чванство тотального обновления!»⁶

Оставим на совести наших оппонентов их суждения о профессиональной культуре и образованности ведущих архитекторов Иркутска, отложим наши рассуждения о трудностях творческой работы в атмосфере недружелюбия. Перейдем к итогам этой «дискуссии», которые отчасти реализовались в «Решении областного отделения ВООПИиК, коллегии управления культуры Иркутского облисполкома совместно с творческими союзами и организациями», где говорится, что нужно требовать «безусловного сохранения исторически сложившейся

Панорама правого берега Ангары с кафедральным собором. Снимок начала XX в.

ся планировочной структуры центра города и в связи с этим исключить расширение улиц Разина, Чкалова — Рабочей и пробивку улицы Марата»; «считать недопустимым возведение в историческом центре зданий крупных объемов и повышенной этажности. ...Концепцию высотных доминант рассматривать как неприемлемую в условиях исторического центра Иркутска»; «считать непозволительным вести застройку центра города с повышенной плотностью...»; «пересмотреть все отводы участков, затрагивающие интересы исторической среды города...».

Пересмотру подвергается возможность строительства почти всех новых объектов в центре Иркутска. На мой взгляд, названное решение, вызванное истинной заботой о сохранности памятников архитектуры, отличается при этом категоричностью запретительных мер по отношению к каким-либо реконструктивным мероприятиям в центре города.

Специфика архитектуры в отличие от других видов искусства состоит в том, что ее можно отнести к компрессионным системам (термин археологии), то есть системам, подверженным давлению времени, как бы спрессованным временем. Неоднократная переделка памятников архитектуры в соответствии с меняющимися художественными вкусами, стилистическими наслоениями в историческом ядре города, а иногда и «хирургические» вмешательства в его пространственно-планировочную структуру — все это закономерные формы существования архитектуры.

На протяжении своей жизни исторический город выступает как регенерирующая система, обладающая тенденцией к постоянному самообновлению —

Новые архитектурные акценты Иркутска. Обретение утраченного силуэта.

замене одних функций другими, часто в одном и том же месте. С точки зрения насыщенности духовными и культурными ценностями наши «урбанизированные» жилые районы являются некоей высотной деревней, тогда как малоэтажная застройка исторического центра оказывается продуктом подлинной урбанистики с высокой плотностью культуры. Не потому ли массовое сознание отторгает районы новостроек, что эта «чистая современность» не только территориально, но и духовно находится далеко от всей исторической городской культуры? Если мы будем, следуя советам наших оппонентов, искусственно разделять в городе старую и новую архитектуру, прошлую и нынешнюю культуры, не обедним ли мы и свой исторический город, и свой новый город, а отсюда и свою национальную культуру, процесс развития которой — цельное, неделимое явление? Прежде всего неясен ответ на вопросы: «В чем заключается неповторимость архитектурного наследия Иркутска? Какие его черты требуют культурного освоения сегодня?»

До сих пор теоретики не могут прийти к единому мнению и осознать русскую архитектуру как специфическое художественное явление в контексте мировой культуры. Такая неопределенность происходит, видимо, потому, что и раньше архитектурные стили были интернациональны по своему художественному языку, но всегда существовали едва уловимые национальные, региональные и местные диалекты этого языка.

Возьмем, к примеру, архитектуру барокко. Зародившись в Италии, барокко утвердилось в других странах Европы, в XVIII веке пришло в Россию, имело здесь свои художественные вариации по городам и регионам. Искусствоведение выделяет «елизаветинское» (петербургское), «нарышкинское» (московское) и так называемое сибирское барокко. Ху-

дожественный язык барокко в Сибири получил особенности. Это связанная с влиянием сопредельных стран Востока повышенная декоративность форм, влечение в каноническую основу местных этнических мотивов, определенные композиционные приемы построения объемов сооружений.

Таким образом, местное своеобразие и в прошлом было едва уловимо, рождалось на нюансных отклонениях от общепринятых канонов. Поэтому в сегодняшней оценке успехов или неудач новой архитектуры Иркутска правильнее было бы сравнивать ее с современной советской или зарубежной архитектурой, а не противопоставлять архитектурному прошлому города. Пока же мы лишь сравниваем различные художественные системы — историческую и современную, споря, какая из них лучше. Вряд ли это достойная задача для критики.

Архитектура, как и другие виды искусства, говорит на языке своего времени и существует в рамках определенных культурных норм. И то и другое мало зависит от воли архитектора и едва ли может быть поставлено ему в вину. Возьмем хотя бы отношение к традиции. Оно никогда не оставалось неизменным. Мы сами вычеркивали одну страницу отечественной культуры за другой, последовательно награждая их самыми нелестными эпитетами, а затем реабилитируя архитектуру эклектики, модерна, конструктивизма, советскую архитектуру периода освоения классического наследия. Время показало, что столь различные стилиевые системы мирно уживаются в одном историческом пространстве города.

Современное общественное сознание настроено наиболее демократично в отношении к архитектурному наследию. Признаются не только все стилиевые системы прошлого, но и самодельная архитектура. Все достойно профессио-

нального внимания и изучения. На мой взгляд, своим видением истории города через призму современности отличаются работы ведущих архитекторов Иркутска. Есть основания говорить о сложившейся здесь архитектурной школе с высокой культурой и профессионализмом, которые проявляются, несмотря на слабую индустриальную базу и низкое качество строительства.

Вернемся к критике новых зданий Иркутска. О жилом комплексе В. Павлова на набережной читаем: «...что мы оставляем в наследство?.. Выдающиеся в смысле громоздкости постройки в центре исторического города? Взять хотя бы жилой дом на иркутской набережной, что высится **безликим коробом** над древними постройками, агрессивно относясь к своему окружению»⁷.

Есть и другое мнение: это высокая оценка в профессиональных кругах, признание лучшей постройкой 1986 года по РСФСР в области жилищного строительства. Кстати, эта информация в местной газете была напечатана с большой неохотой и опозданием, исключительно по настоянию иркутского отделения Союза архитекторов РСФСР. Вообще, неравные позиции активно наступающих печатных «против» и слабо защищающихся устных «за» — особенность иркутской «гласности» вокруг современной архитектуры.

На фотографии начала века мы видим прекрасную панораму правого берега Ангары. С уничтожением в 20-е годы культовых построек, формировавших вы-

сотную композицию города, безвозвратно ушел в прошлое неповторимый силуэт Иркутска. Для него была характерна художественная манера сочного объемно-пластического моделирования венчающих частей доминант с точной светотеневой фиксацией объемов в пространстве. Вспомним Богоявленский собор, Крестовоздвиженскую церковь и другие культовые сооружения.

По существу, в том же ключе выполнены и новые объекты. Ярусность композиций, облегчающая здания сверху, использование мотивов скатной кровли, имеющей к тому же определенное смысловое значение (буквально «кров над головой»), — все это выгодно отличает новые постройки от других современных зданий, участвующих в формировании панорамы города.

Более всего возражений вызывает у наших оппонентов исключительно современная стилистика зданий, «крепостной», замкнутый характер. Но так ли далеки они от традиционных?

Что такое иронично называемые в местной печати «гаремные дворики» (небольшие огражденные кирпичной стеной выше человеческого роста участки земли с входами в квартиры первого этажа), как не современная интерпретация традиционного «заплота» (высокого забора, защищавшего от непогоды и постороннего взгляда жизнь горожан, проходившую в летние месяцы во внутреннем, мощном деревянными плахами дворе)? А неприступный «брутальный» ха-

Новый иркутский брутализм и его истоки

рактик сооружений, не ассоциируется ли он с мощью конструктивных узлов и всего облака первых деревянных домов Иркутска, построенных из бревен толщиной 40—50 см?

Чем объяснить взаимное непонимание архитекторов и других представителей художественной интеллигенции, писателей, так остро проявившееся в Иркутске? Любое художественное произведение, а исторический город можно трактовать как таковое, рождает массу индивидуальных прочтений. При этом город существует как объективная реальность, живущая вне нас, и его образы могут не совпадать. Условие возникновения любого «образа-восприятия» — его личностный индивидуальный характер, который прежде всего зависит от уровня культуры человека, эрудиции и глубины ассоциативных связей. А потому нелепо сражаться образами Иркутска, доказывая, какой из них достовернее. Одним любим патриархальный старый город в кружевной резьбе наличников, с деревянным мощением улиц и дворов. Другим ближе новые формы, подспудно несущие художественный опыт прошлого. Пусть каждый внесет свое индивидуальное прочтение в общий генофонд городской культуры. Совокупный образ города от этого станет только богаче. Достоверно одно: если в городе живут люди, осознающие его образ, — значит, есть город как явление культуры.

Сегодня не вызывает сомнения, что Иркутск существует как неповторимое культурное явление, сущность которого еще предстоит осознать. В проходившей недавно всесоюзной деловой игре, посвященной перспективам развития Иркутска, коллективный разум участников еще раз пытался понять историческую миссию города в культурном и экономическом освоении края. Подчеркивалось, что издавна Иркутск играл роль своеобразного «шарнира» между Европой и Азией, осуществляя межгосударственные, межрегиональные торговые, экономические и культурные связи. И сегодня в архитектуре, искусстве, в других сферах деятельности, как никогда, важно самоопределение в историческом пространстве. Осознание ценностей традиционной и современной культуры играет в этом процессе не последнюю роль.

Давно уже стали общим местом суждения о некоей ущербности, духовной ущербности современной культуры, и в частности архитектуры. Бытует мнение, что новые районы городов порождают преступность, ибо бездуховная среда порождает бездуховное существование. А как же быть в том случае, когда в древнейших и красивейших исторических городах в одухотворенной, насыщенной разнообразной культурной информацией атмосфере улиц и площадей вырастают бескультурные, бедные духовно люди? Как часто мы проходим мимо сохраненных памятников культуры, взирая на обозначающие их культурную ценность таблички. А они «проходят» мимо нас прямым транзитом в будущее, сохраненные физически, но не освоенные духовно.

Духовная освоенность культуры — одно из важнейших условий трансляции ее из прошлого через настоящее в будущее. Настоящее становится тем узким местом воронки, где прошлое неизбежно

переплавляется через призму современных ценностных ориентаций. Ответственность настоящего перед прошлым и будущим огромна. Именно в настоящем происходит отбор, трансформация и переориентация культурных ценностей прошлого, передача их в преобразованном виде будущим поколениям. Этот процесс отбора, переориентации, собственной, личностной интерпретации культурной традиции и есть процесс ее освоения.

И здесь важно знание не только местной традиции, но и всей предшествующей и особенно современной культуры, так как только она обеспечивает и самовыражение творца, и восприятие зрителя. Огульное же отрицание современного искусства, будь то рок-музыка, авангардные направления в живописи, моде, свидетельствует скорее об инертности художественного восприятия и отсутствии чувства «эстетической открытости», которое, по мнению академика Д. Лихачева, должно отличать каждого культурного человека. Сегодня неизбежен процесс интернационализации культуры, делающий всеобщим достоянием достижения отдельных народов и народностей. Важно также, чтобы процесс освоения культуры прошлого через ценностные ориентации настоящего стал массовым явлением. Только тогда творец и зритель, архитектор и потребитель найдут общий язык.

А. КОРЗУН,
заведующий кафедрой
истории архитектуры
и основ проектирования
Иркутского политехнического института

¹ Шастин А. Сбережем ли память? // Восточно-Сибирская правда.— 1986.— 13 апр.

² Щербин В., Сапронов Г. Ступени собственного «возвышения» // Советская молодежь.— 1987.— 24 нояб.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Шастин А. Сбережем ли память?

⁶ Щербин В., Сапронов Г. Ступени собственного возвышения.

⁷ Там же.

**Порт Байкал в конце XX в.
История остановилась...
Или пошла вспять?**

1. Статья из журнала
«Архитектура и строительство России», №11,
1989 г.